

ЛЮБЕК – НЕ ЛЮБЕК: Ф.Л. МОРОШКИН В ПОИСКАХ ПРИОДЕРСКОЙ РУСИ

© 2018 г. А.А. Рыбалка

г. Пенза

E-mail: anrike@yandex.ru

Автор статьи рассматривает судьбу в российской историографии исторических свидетельств о существовании в Средние века в западнопоморском городе Любуше на реке Одере русской миссийной епископской кафедры.

The author of the article examines how the Russian historiography was treating historical evidence concerning the existence in the Middle Ages in the Western Pomeranian city of Lubusz on the Oder River of the Russian missionary bishopric.

Ключевые слова: Любуш, русское епископство, Ф.Л. Морошкин, А.Г. Кузьмин, Опатов, Русь на Одере.

Keywords: Lubusz, Russian bishopric, Fedor Moroshkin, Apollon Kuzmin, Opатов, Russia on the Oder.

DOI: 10.31857/S0869544X0000465-4

Рассматривая ранее особенности использования известным советским историком А.Г. Кузьминым, попытавшимся в 60–70-х годах прошлого века реанимировать классический «антинорманизм», инерционных доводов (см. [1]), мы обратили внимание, что основанием для повторения таких доводов обычно является ссылка на реальную или умозрительную авторитетность лица/источника, к которому довод приписан.

Между тем, среди пары сотен доводов-свидетельств, собранных исследователем в пользу отстаиваемой им гипотетической конструкции, встречаются свидетельства, основанные не на ссылке на авторитет, а, напротив, содержащие апелляцию к заведомо неавторитетному источнику. В подобных случаях основанием для использования такого свидетельства исследования объявляет безосновательность компрометации довода, исключительно по причине использования его в источнике, который в силу различных причин совершенно не вызывает доверия, а исходя из этого отвергаются и любые использованные в источнике свидетельства. Однако, в таком случае, можно было бы ожидать, что исследователь самостоятельно проверит свидетельство само по себе, вне источника, и убедится

в его корректности, независимо от неавторитетности источника, однако в случае с Кузьминым, об этом говорить не приходится.

Например, 155-й «довод Кузьмина» гласит: «1373 год. Город Любек помещается “в России”. То же в документе 1385 года» [2. С. 682]. С учетом статуса Любека информация кажется крайне любопытной и вызывает естественное желание обнаружить ее источник. В «Начале Руси» Кузьмин повторяет: «Город Любек в документах 1373 и 1385 гг. помещается “в России”» [3. С. 291] и дает в примечаниях точную ссылку: «См.: А. Васильев. Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и варяги. СПб., 1858. С. 37» [3. С. 415]. Однако на с. 37 указанного труда присутствует ссылка только на злосчастный Магдебургский турнир 938 г., порождение геральдической фантазии Георга Рюкснера [4], о котором сам Кузьмин упоминает десятком страниц ранее [3. С. 279]¹, а про какой-либо «Любек» и 1385 год Васильев ничего не пишет [5. С. 37].

Источник, впрочем, легко обнаруживается среди других ссылок Кузьмина, это никто иной, как Егор Классен, который в почитаемом в узких кругах труде «Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и Славяно-Руссов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова» (1854) пишет по указанному поводу следующее: «Приведем здесь еще одно доказательство, найденное Г. Морошкиным [...] По его, Морошкина, розысканию, из грамоты епископа Любского, Петра I, о перенесении епископской кафедры **из Любека** (Lubus – Любечка) в Фюрстенвальд 1373 года, с подтверждением о том любского епископа Иоанна 1385 года видно, что соборная церковь этого епископа была некогда в России (olim in Russia sedem habebat Cathedralem); далее из грамоты видно, что эта церковь была в Горицах, близь Франкфурта, что на Одре (славянской Отдаре)» [6. С. 47–48]. Поскольку Александр Васильев и Егор Классен, с точки зрения рассматриваемой темы, авторы одинакового стиля и статуса, спутать их немудрено, однако, если бы профессор Кузьмин склонен был верифицировать информацию, с которой ему пришлось работать, он, казалось бы, должен был заметить, что уже у Классена написано не совсем то, что пишет он, Кузьмин. По крайней мере, трудно не заметить, что хотя Классену и вздумалось писать «Любек» из его же пояснения (Lubus) видно, что речь идет о другом городе и Кузьмин напрасно торопится внести его сведения в число своих свидетельств о Любеке.

Классен в данном случае ссылался на человека, писавшего в своих сочинениях, например, что «первые турки суть народ “леший”, а если леший, то и русский» или «*velocibus Danais* [...] будто это Датчане? – это Руссы “*veloces*”, Дромиты, Донские удалыцы». Несмотря на приведенные рассуждения, по словам А.Н. Пыпина, «написанные как будто на смех»,

¹ Кузьмин при этом пишет: «Магдебургские грамоты из собрания Мельхиора Гольдаста (*впервые опубликовавшего “устав”*) заподозрены как подложные» и далее рассуждает, почему это не имеет значения. Таким образом, настоящий источник информации о турнире, *Turnierbuch* Рюкснера, остается ему попросту неизвестным, тем паче, что указывая сведения о подложности «грамот», он ссылается на две старые немецкие книги, которые сам, скорее всего, не видел [3. С. 413].

Федор Лукич Морошкин (1802-1857, см. портрет на рисунке) в основной своей ипостаси был вполне уважаемым человеком. Поповский сын, московский студент, наконец, ординарный профессор римского права и гражданских законов Московского университета на протяжении двадцати лет, популярный лектор, профессиональные труды которого имели довольно высокую репутацию. Краткую характеристику взглядов Ф.Л. Морошкина в иной, интересующей нас здесь ипостаси искателя исконной древности и величия руссов, можно прочесть у Пыпина [7. С. 367–372], резюме которого однозначно – «дать понятие о свойстве исследований Морошкина или о его “методе” довольно мудрено: до того он странен и лишен всякого смысла».

Классен, между тем, более-менее точно передает то, что он прочитал у Морошкина. Эта тема рассматривается Морошкиным первый раз в примечаниях к переводу «Опыта истории российских государственных и гражданских законов» А.Ф.М. Рейца, [8. С. 346–350] и без изменений в сочинении «Историко-критические исследования о руссах и славянах» [9. С. 27–30]. Федор Лукич дает сокращенный перевод таких документов, как «Грамата Петра I, Епископа Любецкого (Lubicensis), о перенесении Епископской кафедры и Кафедральной церкви из Любека (Lubus) в Фюрстенвальд, 1373 года, с подтверждением о том же Любецкого Епископа Иоанна 1385 года» [9. С. 27], которые он обнаружил в издании грамот германского государственного архива Люнига [10]. Морошкин обращает внимание на следующие фразы из этих грамот: «Богом нам вверенная Любецкая церковь, которая прежде имела резиденцию в России (quae olim in Russia sedem habet at cathedralem), и оттуда язычниками и неверными изгнана и жестоко преследуема от древних времен, и как бы корабль, обуреваемый морскими волнами, долговременно и даже до настоящего времени из места в место блуждала [...] Подлинно древле (olim) кафедральная Любецкая церковь в Гориции близ Франкфурта (in Goritia prope Frankoforde) во время тишины и мира как бы в осаде находилась, и потом гражданами Франкфурта разорена и до основания срыта [...] блаженной памяти Генрихом, епископом Любецким, кафедральная Церковь основана в поле, на горе близ крепости Любича (Lubus), на которой никто тогда не имел жительства» [9. С. 27–28]. Морошкин замечает далее: «Из сей грамоты возникает следующее заключение: Россию, упоминаемую в 1-й грамоте, должно искать по течению реки Одера, именно близ Франкфурта, в стране, называемой иначе Горициею. При сем должно заметить, что церковь в сей Гориции была древле гонима язычниками, неверными, и даже христианами — объяснения весьма темные и заставляющие подозревать, что краткий очерк истории взят более из преданий, нежели из дипломатических документов [...] Известно, что город Любич² (Lubus) находился близ Франкфурга, вниз по течению Одера верст на 20, на левом берегу сей

² Поскольку здесь автор указывает более-менее точное название и точное расположение города, нет сомнений, что «Любек» в его тексте либо описка, либо иллюзия, в коей он пребывал в начале перевода грамот, которая рассеялась, однако, виртуально, не отразившись в данном месте текста. На самом деле, город именуется поляками Любуш (Lubusz), а немцами Лебус (Lebus).

реки; а Фюрстенвальд, куда перенесена кафедра, находился в Бранденбурге на реке Шпре, выше Берлина верст на 40, и в таком же почти расстоянии от Франкфурта [...] По смыслу грамоты и потому обстоятельству, что церковь находилась в Гориции, Россию должно искать на берегах Одера, в стране, которая от сей реки к западу называлась Бранибором (Брандербургом), и в Н. Силезии» [9. С. 28–29].

Несмотря на явное указание Морошкина, что «краткий очерк истории взят более из преданий, нежели из дипломатических документов» [9. С. 28], у него, к сожалению, не возникает желания обратиться к последним и он сразу переходит к поиску «России» в Силезии, оказываясь в конце концов восточнее Легницы и Злоторыи (Гольдберга), где его ожидаемо привлекает Рудня (Raudten, Ruden, Rudna). Между тем еще Погодин, критикуя Морошкина, указывал, что «епископство Лебус [...] имело только притязания на Русь, южную, соседнюю Галицию, кои и старалось привести в действие [...] Как епископство русское, должно оно было ограничиться только собственно польскою областью, хотя и протестовало даже в 1400 году, что вся Россия к нему принадлежит», а, главное, давал ссылку на сочинение, которое вполне было доступно и Морошкину в 1836 г.: «Wohlbrück Geschichte des Bisthums Lebus. 3 части. Берлин. 1829» [11. С. 203]. Таким образом, Погодин указывает на факт хорошо уже известный во времена Морошкина: любушское епископство некоторое время обладало правами миссийной (in partibus) епархии для Руси, которые и пытались фактически реализовать в Червоной Руси. Как же все это получилось?

В 1125 г. король Болеслав III Кривоустый основал Любушское епископство, подчиненное Гнезненскому архиепископству, однако эта подчиненность с самого начала оспаривалась соседним Магдебургским архиепископством, равно как и принадлежность самой Любушской земли оспаривалась у поляков немцами, и император Генрих V несколькими годами ранее пытался решить этот вопрос военным путем. Сто лет спустя силезский князь Генрих I Бородастый, сумевший к 1230 г. закрепить за собой Любушскую землю, диоцез которой возглавлял тогда приближенный к нему Вавржинец (Лаврентий), а чуть позднее присоединивший к своим владениям и Сандомир («Henricus cum barba dux Slesie. Cracoyensem ducatum et partem terrae Sandomiriae, etiam consentiente Boleslao, pro se usurpavit»), озаботившись, наверное, интеграцией своих владений в 1235 или 1238 г.³, согласно Великопольской хронике (гл. 61): «Monasterium Opatoviense, cuius monasterii abbas Gerhardus Ruthenorum episcopus pro catholicis ibi degentibus, de novo fuerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit; omnia bona episcopatus Russiae, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia, incorporando ecclesiae Lubucensi praedicto de facto» [12. С. 113]. («Передал Опатовский монастырь, аббатом которого был Герард, епископ русских, избранный вновь для католиков, там проживающих, любушскому епископству, а все имущество русского епископства, некогда относящееся к Опатовскому монастырю, включил в состав имущества упомянутой любушской церкви» [13. С. 148]).

³ В качестве одной из дат указывается и 1232 год, вскоре после окончательного присоединения Генрихом Любушской земли и при жизни Вавржинца, однако еще Абрахам [12. С. 80] показал, что это маловероятно, в частности, и потому что Герард получил права епископа, скорее всего, после 12 мая 1234 г.

Н.И. Щавелева в примечании 4 к главе 61 так комментирует эти действия князя Генриха: «Римская курия стремилась организовать латинскую церковь на Руси путем установления особого епископства. Тогдашний глава ордена цистерцианцев Христиан, воспользовавшись своими отношениями с русским князем Даниилом, создал латинскую епархию (*in partibus*) [на Руси и назначил туда Герарда, бывшего прежде аббатом в Опатове. Организацию опатовской канонической группы относят еще ко времени правления Казимира Справедливого. Она должна была составить основу будущего епископства, которое бы имело важное значение в планах русской политики, проводившейся Казимиром (Abraham W. Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi. Lwow, 1904. T. I. S. 110; Szymariski L. Kanonicy opatowcy w planach polityki ruskiej z przelomu XII i XIII wieku // РН. 1965. Т. 56. S. 9). В чем заключалась деятельность этого первого епископства — неизвестно. Передача же его любушской церкви объясняется желанием Генриха Бородатого, занявшего Сандомир, захватить юрисдикцию русского епископства в свои руки. Исследователи считают, что информацию автор хроники мог получить от любушского епископа Петра, с которым был близок (Wojciechowski T. Szkice historyczne jedenastego wieku. Warszawa, 1951. S. 78; Щавелева Н.И. Древнерусские известия Великопольской хроники // Летописи и хроники. М., 1976. Вып. 2. С. 62–66)» [13. С. 232]. Попытка силезского князя поднять статус верной ему епархии, новый глава которой, епископ Генрих I, также был весьма озабочен установлением ее точных границ в условиях силезско-бранденбургских противоречий, была не напрасной: сразу после смерти Генриха Бородатого магдебургский архиепископ попытался захватить Любуш силой, однако на тот момент наследник Бородатого, Генрих II Набожный, сумел отстоять свои права. Оба Генриха целенаправленно стремились объединить вокруг себя все польские земли и в первые годы правления Генриха Набожного казалось, что такая перспектива вполне реальна, но вторжение монголов и легницкий разгром принципиально изменили ситуацию.

Многочисленные и малолетние сыновья Генриха Набожного предсказуемо оказались в состоянии непрерывного передела доставшихся владений, и уже в 1248 г. Болеслав II Рогатка в счет платы за помощь в войне против младшего брата отдал магдебургским архиепископам половину Любушской земли и саму крепость Любуш, что, естественно, не могло не сказаться на дальнейшей судьбе диоцеза, главы которого вынуждены были постоянно балансировать между поляками и немцами. Неизвестно, впрочем, смогли ли уже в те годы любушские епископы реализовать полученные права юрисдикции над Русью, во всяком случае, права самого опатовского аббата Герарда, судя по всему, признавались, пока он был жив. Так, в мае 1253 г. «Герард — первый [епископ] Руси из ордена цистерцианцев, некогда аббат из Опатова» [13. С. 170] принимал участие в провозглашении канонизации святого Станислава в Кракове⁴.

⁴ Это сообщение было использовано Кузьминым в качестве «149-го довода». «1254 год. Датская Зеландская хроника (XIII в.) упоминает Герарда, первого епископа Руси из ордена цистерцианцев» [2. С. 680], хотя непосредственно перед Герардом упоминается Вит, первый епископ для Литвы из ордена доминиканцев, и нет оснований для сомнений в том, что «Руссия» это именно Русь.

В октябре 1257 г., скорее всего уже после смерти Герарда, на Ленчицком синоде, собранном ради провозглашения крестового похода против того же Болеслава Рогатки, отлученного от церкви, именем папы Александра IV была подтверждена юрисдикция любушского епископа Вильгельма из Нысы над Русью (странным, но традиционным для пап образом со времен, которых достигает людская память — «*że od czasów jak pamięć ludzka sięga*» [12. С. 92]) и права его на владение Опатовским монастырем и окрестными селами под Сандомиром (позднее этот округ именовался Бискупнице). В дальнейшем Вильгельм пытался сохранить традиционные связи с польскими князьями и в 1276 г.⁵ был вынужден под давлением бранденбургских маркграфов оставить Любуш и перебраться на польский берег Одера, немного ниже по течению, в Гужицу (Гериц). В 1282 г. князь Лешек Черный даровал владениям любушского епископа дополнительные привилегии и, в частности, сделал Опатов городом, дав ему магдебургское право.

Тем не менее, о миссионерской деятельности любушской епархии на Руси (в Галиции) практически ничего неизвестно. Одним из немногих исключений является благословение, данное в 1320 г. Стефаном II, на строительство Мариинского костела в Каменце-Подольском. Епископ Стефан был избран на кафедру еще в 1317 г., однако много лет не мог получить подтверждения от Папы. 1321–1323 и 1326–1327 годы он провел в Авиньоне, где в мае 1327 г., наконец, получил подтверждение Папы Иоанна XXII, в котором, в частности, подтверждалась его юрисдикция в Галиции (*Galatbe*) и содержалось вполне правдоподобное для Авиньона, но не имеющее никакого отношения к реальности утверждение, что резиденция епископа с давних времен располагалась во Владимире (*Flandemiria*), где даже находятся могилы его предшественников [14. С. 295]. Именно эта грамота, а вовсе не «предания», и дала в 1385 г. основания епископу Яну I Кьелтичу утверждать, что его кафедра некогда находилась на Руси (*olim in Russia sedem habet cathedralis*). Со Стефаном связано дальнейшее драматическое развитие судьбы епископской резиденции. После того, как в 1319 г. не оставивших наследников Асканиев сменили в маркграфстве Виттельсбахи, епископ ввязался в войну Владислава Локетка с Людвигом IV за Любушскую землю, в результате чего Гужица была захвачена баварцами и сожжена, а епископ вынужден был искать пристанища во Франкфурте, где длительное время добивался придания местному Марианскому костелу статуса собора, имея в виду сделать это город епископским, пока местные жители не выгнали его в 1339 г. Последние годы Стефан провел во Вроцлаве в качестве викария и передал любушскую кафедру перед смертью местному канонику Апечко из Зонбковице, который фактически проживал во Вроцлаве. В 1349 г. король Казимир III по договоренности с галицким боярством присоединил к своим владениям Червоную Русь, что, видимо, изменило его отношение к методам католизации этого региона.

⁵ По немецким источникам, с 1273 г. епархию возглавлял уже другой Вильгельм. Поскольку Вильгельм из Нысы стал епископом при поддержке магдебургского архиепископа, светского владельца Любуша, а в 1276 г. резиденция вынуждено была перенесена на польскую территорию, это выглядит убедительно.

Возможно поэтому следующий епископ Генрих из Бенча, вернувшийся в 1354 г. во Франкфурт, предпочел ориентироваться на бранденбургских Виттельсбахов. Он урегулировал с ними отношения относительно спорных территорий (в частности, Фюрстенвальде) и затем, при поддержке марк-графа Людвига II, перенес резиденцию в Любуш и построил новый собор к северу от города (о чем пишет Петр в своей грамоте).

Его преемник, Петр из Ополе, восстановил отношения с Казимиром, урегулировав вопрос об имущественных правах и обязательствах епархии, однако вынужден был отказаться от юрисдикции над Русью. В 1373 г., во время войны чешских Люксембургов с Виттельсбахами за контроль над Бранденбургом, императорская армия Карла IV Люксембурга сожгла собор в Любуше. Хотя Петр стал в дальнейшем приближенным императора, собор не был восстановлен, и резиденция епископов была перенесена в Фюрстенвальде (Fürstenwalde) на реке Шпрее. В 1385 г. капитул также был перемещен в Фюрстенвальде, чему и посвящена грамота епископа Яна. Стоит заметить, что обладание любушской кафедрой, видимо, не особо ценилось, предшественник Яна силезский Пяст князь Вацлав в 1282 г. сменил Любуш на Вроцлав, а сам Ян через несколько лет перебрался в Мейссен, что, строго говоря, не являлось приемлемой практикой.

Возвращаясь к поискам следов Приодерской Руси Ф.Л. Морошкиным, нужно отметить его признание: «Конечно, название Ruda, Raudten, нельзя принять за тождественное с Russia, упоминаемое в Любецкой грамоте, однако автор тут же оптимистично добавляет, но нельзя не согласиться, что в словах Ruda, Ruden, Raudten скрывается другое название нашего отечества, именно Ruthenia» [9. С. 30]. Искать следы актуальной для географического расположения Любуша, «именно близ Франкфурта», Рутении «в округе Ополииенском» и «Ратиборских владениях» [9. С. 29] мог, понятно, только человек, меряющий русскими расстояниями и сам имеющий рост в 2 м 5 см, каков и был Морошкин. Впрочем, Рудня-то была и на самой окраине Любушской земли, однако за совершенной незначительностью оказалась Морошкину неизвестна... Но мало ли в славянских краях Рудней и прочих Руд...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Рыбалка А.А. О псевдофольклорном характере легенды о Рюрике, Сиваре и Труваре // Славяноведение. 2017. № 4.
2. Кузьмин А.Г. «Сведения иностранных источников о руси и ругах», Откуда есть пошла Русская земля: Происхождение народа. Русь Изначальная, М., 1986. Т. 2. С. 664–682.
3. Кузьмин А.Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа. М., 2003. (Тайны Земли Русской).
4. Rixner G. Turnierbuch, Reprint der Prachtausgabe Simmern 1530, eingeleitet von Willi Wagner, Verlag E.& U. Brockhaus, Solingen, 1997.
5. Васильев А. Древнейшая история северных славян и откуда пришел Рюрик и варяги. СПб., 1858.
6. Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. М., 1854.
7. Пытин А.Н. История русской этнографии. СПб., 1890. Т. I.

8. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. Сочинение Профессора Александра Рейца; переводъ с немецкаго / Издаль Федор Морошкинъ. М., 1836.
9. Историко-критические исследования о руссах и славянах / [Соч.] Ф.Л. Морошкина, д. чл. Моск. о-ва истории и древностей рос., орд. проф. в Моск. ун-те; СПб., 1842.
10. Deutsches Reichsarchiv («Das Teutsche Reichs-Archiv»), 1710–1722, 14 Bde. TRA, dazu 7 Bde. «Spicilegium ecclesiasticum», 2 Bde. «Spicilegium seculare» und 1 Band Hauptregister, zusammen 24 Folianten.
11. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. М., 1846. Т. 2: Происхождение варягов-руси. О славянах. Москва: изданы Императорским Московским о-вом истории и древностей российских, 1846–1856. 1846.
12. *Abraham W.* Powstanie organizacyi kosciola lacinskiego na Rusi. Lwow, 1904. Т. I.
13. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях: (Перевод и комментарии). М., 1987.
14. *Augustin Theiner.* Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia maximam partem nondum edita ex tabularis Vaticanis deprompta collecta ac serie chronologica disposita. Romae, Typis Vaticanis, 1860. Т. 1.